

Бой Добрыни с Дунаем (2)

А-й ездил Добрынюшка по всем землям,
Да по всем же землям, по всем странам:
А искал-де Добрынюшка поединьшика,
Поединьшика искал себе, супротивника;
Не нашол он, Добрынюшка, поединьшицька,
Поединьшичка сибѣ он, супротивника.
А ехал Добрынюшка по чисту полю,
И завидял он в полюшки черной шатѣр,
А черной-от шатѣр да рытнобархатной.
А у шатра-та стоял ведь дубовой столб,
В столбе-то колечушко серебрянно,
И у шатра лежит бочка да с зеленым вином,
А на бочки лежит чарочка позолочона;
А на чары ведь подписи подписаны,
На серебрянной подрези подрезаны:
«Хто не возьмѣт этой чары единой рукой,
И хто не выпьѣт этой чары к единому духу —
А тому ведь молоццу да живому не быть,
От того же шатра прочь не отъехати!»
А не малая та ведь чарочка — в полтора ведра.
А соскакивал тут Добрынюшка со добра коня,
Привязал он добра коня к золоту кольцу,
И брал он ведь чарочку позолочону,
Наливал он эту чарочку до полно,
Принимал он эту чару единой рукой,
Выпивал он эту чарочку к единому духу.
И наливал-то Добрынюшка и втору чару,
Принимал ведь Добрынюшка единой рукой,
Выпивал он эту чару да к единому духу.
Наливал Добрынюшка третью чару,
Принимал он, Добрынюшка, единой рукой,
Выпивал он эту чарочку к единому духу.
Уж он перву выпил чару — для здравьица,
А вторую чару выпил ведь — для похмельица,
Ишше третью чару выпил — для безумьица.

Очи ясны у Добрынюшки смутились,
Моґучи ведь его плеча да расходились,
И за беду пало Добрынюшку за великую:
«Будто нам уж, молоццам, и в поли выезду нет?!»
Ростоптал взял он бочку с зеленым вином,
И ростоптал он ведь чарочку позолочону,
И весь прирвал Добрынюшка черной шатёр,
Он черной-то шатёр да рытнобархатной;
Всё розвееял-розметал он по чисту полю.
А где бил он, буянил — тут и улёгса спать.
А как издалеча-далеча, из чиста поля
Ехал ведь Дунаюшко сын Иванович.
Подъезжал как Дунаюшко ко черну шатру,
И видит он чудышко немалоё:
И стоял только у столба ведь тут доброй конь,
И лежит тут ведь тулово немалоё,
А нету у ево ведь черна шатра,
И нету ведь бочки с зеленым вином,
И нету тут ведь чарочки позолочоной;
А всё прибито и по полю розметано.
У Добрынюшки конь был очунь ласковой, —
И бил он копытом лошадиным,
И будил он своего добра хозяина.
Спит-то Добрыня — не пробужаицсэ.
Как подъехал Дунаюшко сын Иванович,
А розмышлял тут Дунаюшко своим умом:
«И сонново мне убить — всё ровно как мёртвово:
Ведь не честь-хвала мне будёт молодецкая,
И не выслуга ведь будёт боґатырская».
Закрычал тут Дунайко да громким голосом:
«Ты ставай-ко-се, ставай, ведь невежа мой!»
Как скочил-то Добрынюш[к]а на резвы ноги,
И заскакивал Добрынюш[к]а на добра коня.
Тут розъехались рибятушка по чисту полю,
Они съехались копьями ведь долгомерныма:
По насадочкам копья да извернулисе —
Некоторой некоторово не ранили,
К ретиву-ту сердцу раны не придали!
И съезжались они саблеми вострыма:

Ишше востры-ти сабли ишшорбалисе —
Некоторой некоторого не ранили,
К ретиву-ту сердцу раны не придали!
Соежжалисе ведь палками буявыма:
А палки-ти буёвы да изломалисе —
Некоторой некоторово не ранили,
К ретиву-ту сердцу раны не прыдали!
И тянулись через грывы да лошадиные —
И некоторой некоторого не вытянул!
Соскочили как ребятушка со добрых коней,
Ухватилисе ребятушка плотным боём,
А плотным-то боём, ведь рукопашкою.
И возилисе ребятушка цельныя суточки,
И возились ребятушка и други сутки.
Как на третьи-то было на суточки
Как ехал во далечом чистом поли
И ехал старой казак да Илья Муромець,
И ехал Илья ведь со товаришшами.
И слышиши он в полюшки ведь сильней потоп;
И соскакивал Илеюшка со добра коня,
Припадал ведь Илеюшка ко сырой земли,
И говорил ведь Илейка таковы слова:
«Уж ой еси, ребятушки-товаришши!
А есь ведь в чистом поли велик ведь топот:
Лебы две силушки вмести ведь сходицсэ,
Лебо два там боғатыря съежжаюцсэ;
Ишше кто у нас поедёт во чисто полё?
Нам послать как двух братьей Долгополых —
Тут в полах-то ведь братья заплетуцца они
И потеряют занапрасно ведь буйныя головы.
А послать как ведь Олешеньку Поповича —
Тот ведь силой не силён, очунь напуском смел —
Потеряет занапрасно да буйную голову.
Мы поедемте, ребятушка, уж всема лучше!»
Как поехали ребятушка во чисто полё.
И завидял тут Дунаюшко сын Иванович,
Говорыл-то Дунайко да таковы слова:
«Воно едёт ведь мой тут названой брат,
Как по имени стар казак да Илья Муромец, —

Он пособит мне убить ведь неприятеля!»
И увидел тут Добрынюшка Микитиц млад,
Говорыл-то Добрынюшка таковы слова:
«Вóно едёт ведь мой тот крестовой брат,
А по имени стар казак да Илья Муромец, —
И пособит он убить мне тотарина!»
Подъезжает стар казак да Илья Муромец:
«Уж вам Бох помошшь, ребятушка! Об чём бытёсь,
Вы об чём же бытёсь, да об чём ратитесь?»
Ишше тут-то Дунаюшко расплакалсэ,
И стару он казаку да розжалилса:
«Уж ты ой есь, ведь мой ты названой брат,
Ты названой брат, стар казак да Илья Муромец!
Я служил у короля ведь ляховинского,
Я служил у короля равно двенадцэт лет:
Ишше три года служил ведь я в предверниках,
Ишше три года служил я в предворотниках,
Ишше три года служил я в портомойниках,
Ишше три года служил я в приключниках;
И подарил мне король ведь черной шатёр,
И подарил мне король бочку с зелёным вином,
И подарил мне король чарочку позолочону,
Подарил он мне ишше дубовой столб
И в столбу колечушко позолочоно.
Как приехал вот Добрынюшка Микитиць млад,
Ростоптал у мя бочку с зеленым вином,
Ростоптал у мя чарочку позолочёну,
И прирвал он у мя весь черной шатёр,
А черной шатёр рытнобархатной,
И всё розвеял-розмётал он по чисту полю!»
Говорыл тут стар казак ведь Илья Муромец:
«Виноват ты, Добрынюш[к]а, — голову срублю!»
И тут-то Добрынюшка розжалилсэ:
«Уж ты ой еси, ведь мой ты крестовой брат,
Крестовой брат, стар казак да Илья Муромец!
Уж я ездил, Добрынюшка, я по всем землям,
Я по всем землям и ездил, по всем странам:
Искал я сибе поединьшика,
Поединьшика искал сибе, супротивника;

Я не мог ведь натти сибѣ поединьшичка,
Поединьшичка натти сибѣ, супротивника.
И ехал я, Добры[н]юшка, по чисту полю —
Я завидял ведь в полюшки черной шатѣр,
А черной ведь да рытнобархатной.
И подъехал я, Добрынюшка, ко черну шатру;
У шатра лежит ведь бочка с зеленым вином,
А на бочки-то — чарочка позолочена,
И на чарочки подписи подписаны,
И на чарочки подрези подрезаны:
„Хто не возьмѣт этой чары единой рукой,
Хто не выпѣт этой чары и к единому духу —
Тому молодцу ведь живому не быть
И от того же шатра прочь не отѣхати!“
За бѣду мне-ка пало за великую
И за великую досаду показалося;
Я соскакивал, Добрынюшка, со добра коня,
Привя[за]л я коня-де к золоту кольцу,
Наливал я эту чарочку позолочону,
Наливал эту чару я дополна,
Принимал эту чару я единой рукой
И выпивал я эту чару к единому духу.
(А не мала эта чара ведь — в полтара ведра!)
Наливал я, Добрынюшка, и втору чару,
Принимал я эту чару единой рукой,
Выпивал я эту чарочку к единому духу.
Наливал я, Добрынюш[к]а, и третью чару,
Принимал ведь чарочку единой рукой,
Выпивал эту чару к единому духу.
Очи ясныя у мня тогда смутилися,
Моґучи мои плеча да росходилися, —
Ростоптал я взял бочку с зеленым вином,
И ростоптал я взял чарочку позолочону,
И прирвал я весь черной шатѣр,
И всё розвѣял-розмѣтал по чисту полю!»
Говорыл-то стар казак ведь Илья Муромец:
«Виноват ты, Дунаюшко — голову срублю:
Будто нам, молодцам, в поли выезде нет?!.»
Говорыл-то стар казак им таково слово:

«Вы типерице, ребятушка, побратайтесь,
Золотыми крестами вы покрестовайтесь;
И поедём мы все, ребятушка, в стольне Киев-град!»
Ишше тут-то Дунайко и покрестовалсэ
И с тем же Добрынюшкой Микитичом.
И скакали ребятушка на добрых коней,
Все поехали ребята в стольне Киев-град
Ко тому же ко князю да ко Владимиру.
Тут-то князь — и для их он — пир доспел.
И все тут на пиру тут напивалисе,
Ише все же на пиру да наедалисе,
И все на пиру стали пьяны-весёлы.
И тут-то Дунаюшко сын Иванович
И тут-то Дунаюшко расплакалсэ,
Он князю-то Владимиру розжалилсэ:
«Уж ты солнышко ведь князь да стольне-киевской!
Ты позволь-ко-се мне да слово вымолвить
И не позволь-ко-се меня за слово сказнить!»
Говорил ему князь ведь таковы слова:
«Говоры-ко-се, Дунаюшко, що тибє надобно».
Говорыл тут Дунайко таковы слова:
«Я служил как королю ведь ляховинскому,
Я служил ведь королю равно двенадцэть лет:
Ишше три года служил я ведь в придверьниках,
И три года служил я в предворотниках,
И три года служил я в портомойниках,
Ишше три года служил я в приключниках;
И подарил мне за это король черной шатёр,
А черной-от шатёр ведь рытнобархатной,
И подарил он мне бочку с зеленым вином,
И подарил он мне чарочку позолочену,
Подарил он мне ишше дубовой столб,
И в столбу-то колечушко золочёное.
Как уехал ведь я во чисто полё.
И во ту же ведь пору и во то время
Как приехал Добрынюш[к]а Микитиц млад,
Ростоптал у мя бочку с зеленым вином,
Ростоптал у мя чарочку позолочену,
И прырвал он весь ведь черной шатёр,

И розмётал он всё ето по чисту полю!»
Говорил-то ведь князь тут таково слово:
«Виноват ты, Добрынюшка, — голову срублю!»
Тут ставал как Добрынюш[к]а на резвы ноги,
И говорыл-то Добрынюш[к]а таковы слова:
«Уж ты солнышко, князь ведь стольне-киевской!
Ты позволь-ко-се мне-ка слово вымолвить,
Не позволь ты миня да за слово сказнить!»
Говорыл-то ему князь таковы слова:
«Говоры-ко-се, Добрынюшка, що тибє надобно».
Говорыл тут Добрынюшка Микитич млад:
«Уж я ездил, Добрынюшка, по всем землям,
Я по всем землям, и ездил я по всем странам:
Я искал ведь сибє всё поединьшичка.
Поединьшичка искал я, супротивничка, —
Я не мог ведь натти себе поединьшика,
Поедин[ь]шика натти себе, супротивника.
И ехал я, Добрынюш[к]а, по чисту полю,
И завидял я в полюшки черной шатёр,
А черной я шатёр да рытнобархатной,
И подъехал я, Добрынюшка, ко черну шатру.
У шатра ведь лежит бочка с зеленым вином,
И на бочки лежит чарочка позолочена,
И на чарочки подписи подписаны,
Ну на чарочки подрези подрезаны:
„Хто не возьмёт этой чары единой рукой,
Хто не выпьёт этой чары к единому духу —
Тому ведь молоццу да живому не быть,
От того шатра прочь не отъехати!”
И за беду мне-ка пало и за великую,
За великую досаду мне показалосє:
Я соскакивал, Добрынюш[к]а, со добра коня,
Привязал я коня ведь к золоту кольцу,
Ишше брал эту чарочку позолочену,
Наливал эту чару я зелена вина,
Принимал я эту чару единой рукой —
Выпивал я эту чарочку к единому духу.
Наливал я да и втору чару,
Принимал я ведь чару единой рукой —

Выпивал я эту чару к единому духу.
Наливал я ведь и третью чару,
Принимал я ведь чару единой рукой —
Выпивал эту чару к единому духу.
(А не мала ведь эта чара — в полтара ведра!)
А я первую чару выпил — для здравьица,
А вторую чару выпил я — для похмельица,
Ишше третью чару выпил я — для безумьица.
Очи ясные у меня тогда смутились,
Могучи мои плеча расходились:
Ростоптал я взял бочку с зеленым вином,
Ростоптал ведь я чарочку позолочену,
И прирвал я взял весь черной шатёр,
Черной ведь шатёр да рытобархатной, —
Всё развеял-розметал я по чисту полю;
И где бил я, буянил — тут и улёгся спать!»
Говорил-то князь Владимир таково слово:
«Виноват ты, Дунаюшко, — голову срублю!»
Закричал-то Владимир громким голосом:
«Уж вы ой еси, ключники-замочники!
Вы берите-тко, ключники, золоты ключи,
Вы ведите-тко Дунаюшка во чисто полё,
Посадите вы Дунаюшка в глубок погрёб,
Ведь которой у нас погрёб сорока локот!..»
И тут брали ведь ключники ведь золоты ключи —
Повели они Дунаюшка во чисто полё,
Посадили Дунаюшка в тот глубок погрёб,
Которой ведь погрёб сорока локот.

(Зап. А. Д. Григорьевым 18 июля 1901 г.: д. Тимшелье <Дорогорской вол.> — от Рычкова Алексея Васильевича, 57 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.